

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008:329.15

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КОМИТЕТОВ ВКП(Б) – КПСС КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ. КОНЕЦ 1940-Х – НАЧАЛО 1950-Х ГОДОВ

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makar@kemsu.ru

Генина Елена Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: elena_genina@mail.ru

На основе впервые вводимого в научный оборот конкретно-исторического архивного материала характеризуется политическая культура комитетов ВКП(б) – КПСС Кемеровской области в период борьбы с космополитизмом конца 1940-х – начала 1950-х годов. Аксиосфера партийно-политической культуры и её аксиологические доминанты раскрываются на основе артефактов корпоративной культуры комитетов, представляющих собой документацию, исходящую из самих партийных организаций. Доказано, что в рассматриваемый период в аксиосфере политической культуры комитетов ВКП(б) – КПСС утвердились такие аксиологические доминанты, как непогрешимость марксистско-ленинской идеологии и коммунистической партии, вера в победу коммунизма, патриотизм, коллективизм, вождизм. Эти черты, а также общая сакрализация партийно-государственной власти стали основным содержанием политической аксиосферы не только партийных комитетов, но и всего общества. Ценности корпоративной политической культуры партийных комитетов навязывались всем трудящимся.

Анализ партийных документов, проведённый авторами, показывает, что такая базовая ценность, как патриотизм, понималась исключительно как любовь к социалистической родине, коммунистической партии и её вождю. Изучение большинства базовых ценностей политической культуры комитетов ВКП(б) – КПСС позволяет сделать вывод о том, что в партии утвердился идеократический, тоталитарно-подданический тип политической культуры, неотъемлемый от советской модели тоталитарной модернизации. В статье раскрыты характерные черты данного типа культуры и показаны конкретные действия партийных комитетов как акторов сложившегося типа политической культуры. Делается вывод о преобладании в поведении коммунистов радикальных, экстремальных форм политического действия при отсутствии толерантности и культуры компромиссов. Этот вывод подтверждается «делом КМК» и событиями, связанными с «нелегальными синагогами» в городах Кемеровской области, а также «делом врачей» и наступлением на творческую интеллигенцию.

Ключевые слова: политическая культура, комитеты ВКП(б) – КПСС, космополитизм, артефакты политической культуры, аксиосфера политической культуры, корпоративная культура, радикализм, экстремизм, конфронтационность.

**POLITICAL CULTURE OF COMMITTEES OF VCP (B) –
CPSU OF KEMEROVO REGION IN THE PERIOD
OF STRUGGLE AGAINST COSMOPOLITISM.
THE END OF THE 1940S – BEGINNING OF THE 1950S**

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makar@kemsu.ru

Genina Elena Sergeevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena_genina@mail.ru

On the basis of the concrete historical archival material that was first introduced into the scientific circulation, the political culture of the committees of the VCP(b) – CPSU of Kemerovo region during the struggle with cosmopolitanism in the late 1940s – early 1950s is characterized. The axiosphere of the party-political culture and its axiological dominants are disclosed on the basis of the artifacts of the corporate culture of the committees representing the documentation originating from the party organizations themselves. It was proved that in the period under review such axiological dominants such as the infallibility of the Marxist-Leninist ideology and the Communist Party, belief in the victory of communism, patriotism, collectivism, leadership were established in the axiosphere of the political culture of the committees of the VCP(b) – CPSU. These features, as well as the general sacralization of the party-state power, became the main content of the political axiosphere not only of the party committees, but of the whole society. The values of the corporate political culture of the party committees were imposed on all workers.

The analysis of party documents conducted by the authors shows that such basic value as patriotism was understood solely as love for the socialist homeland, the communist party and its leader. The study of most of the basic values of the political culture of the committees of the VCP (b) – CPSU leads to the conclusion that the ideocratic, totalitarian-subject type of political culture, integral to the Soviet model of totalitarian modernization, has been established in the party. The article reveals the characteristic features of this type of culture and shows the specific actions of the party committees as actors of the established type of political culture. The conclusion is made about the prevalence of radical, extreme forms of political action in the behavior of communists in the absence of tolerance and a culture of compromises. This conclusion is confirmed by the “КМК affair” and the events connected with the “illegal synagogues” in the cities of Kemerovo region, as well as the “doctors affair” and the attack on the creative intelligentsia.

Keywords: political culture, committees of the VCP(b) – CPSU, cosmopolitanism, artifacts of political culture, axiosphere of political culture, corporate culture, radicalism, extremism, confrontation.

Политическая культурология как научная дисциплина начала развиваться со второй половины XX века, благодаря своим основоположникам: Г. Алмонду и С. Верба. Они же ввели в научный оборот термин «политическая культура» [1]. Место партийной культуры в системе политической культуры только начинает определяться как в теоретическом отношении, так и в практике отдельных политических партий [2; 35]. В настоящее время российские культурологи и политологи разрабатывают понятие «корпоративная культура», включая в него, в том числе, и политическую культуру партийных организаций [36; 43].

Американский культуролог Эдгар Шейн выдвинул концепцию организационной культуры [48]. Он определил уровни этой культуры: 1) ар-

тефакты (видимые, воспринимаемые факторы внутренней среды организации – символика, ритуалы, речевые обороты); 2) ценности (высказывания и действия членов организации); 3) базовые представления (более глубокий, подсознательный уровень ценностей). Корпоративная и организационная культуры – родственные понятия. Они во многом тождественны. По отношению к партийным структурам обе культуры являются политическими и могут быть объединены единым понятием – «политическая культура».

Проблемы политической культуры большевизма, а также корпоративной культуры ВКП(б) – КПСС как «партии-государства» только начинают ставиться в научной литературе. Один из соавторов уже предпринимал попытки изучения поли-

тической культуры большевистских организаций на конкретной территории в определённый отрезок времени [41; 42]. В данной статье поставлена цель: опираясь на конкретно-исторический материал, всесторонне проанализировать особенности политической культуры партийных комитетов ВКП(б) – КПСС Кемеровской области в ходе общепартийной кампании по борьбе с космополитизмом.

Причины и ход кампании отражены в исторической литературе, касающейся всей страны [37; 38; 46; 47] и регионов Сибири [3; 4; 45]. Отдельная монография посвящена борьбе с космополитизмом в Кемеровской области [5]. Эмпирической основой статьи послужили как известные из литературы исторические факты, так и впервые вводимые в научный оборот документальные материалы, исходящие из областного, городских, районных комитетов ВКП(б) – КПСС и парткомов первичных парторганизаций, содержащиеся в фондах Государственного архива Кемеровской области (ГАКО).

Документы архивных фондов представляют собой артефакты политической (организационной, корпоративной) культуры комитетов ВКП(б) – КПСС Кемеровской области. Они имеют форму протоколов и стенографических отчётов областных, районных, городских партийных конференций, заседаний бюро и пленумов обкома, горкомов и райкомов, протоколов заседаний партбюро и партсобраний первичных партийных организаций, отчётов о проделанной работе в высшие партийные инстанции, а также различного рода справок, информации, переписки.

По артефактам политической культуры можно судить о её аксиосфере (системе ценностей). В рассматриваемое время в аксиосфере политической культуры комитетов ВКП(б) – КПСС утвердились такие аксиологические доминанты, как непогрешимость марксистско-ленинской идеологии и коммунистической партии, патриотизм, коллективизм, вождизм. Они составили систему базовых ценностей политической культуры партии в целом и её местных комитетов.

Партийные конференции всех уровней заканчивались принятием приветственного письма «великому вождю». Письмо-приветствие делегатов XIV Анжеро-Судженской городской партийной конференции (январь 1952 года) имело об-

ращение: «Великому вождю, мудрому учителю, гениальному руководителю большевистской партии, неутомимому строителю коммунизма товарищу Сталину» [6, л. 130]. Обращение делегатов XIII Киселёвской городской партконференции (август 1952 года) завершалась словами: «Дорогой товарищ Сталин! Мы ещё упорнее будем овладевать марксистско-ленинской теорией. Ещё выше поднимем уровень массово-политической работы среди трудящихся, будем вести непримиримую борьбу против всех проявлений реакционно-буржуазной идеологии. Мы заверяем Вас, что большевики Киселёвска с честью выполнят любое задание Центрального Комитета партии большевиков и вместе со всей партией под Вашим мудрым руководством будем самоотверженно бороться за великое дело партии Ленина – Сталина, за победу коммунизма в нашей стране» [7, л. 67].

Вождизм, персонализм, культ личности и общая сакрализация партийно-государственной власти стали основным содержанием политической аксиосферы не только партийных комитетов, но и всего общества. Историю ВКП(б) и биографию И. В. Сталина массово изучали коммунисты, комсомольцы, беспартийные. В маленьком городке Тайга, по данным VI городской партийной конференции (1950), – «При первичных партийных организациях созданы и работают 38 кружков по истории ВКП(б), 25 кружков по изучению биографии И. В. Сталина, 21 политшкола. В них обучается 1365 человек, в том числе: 773 коммуниста, 260 комсомольцев, 330 беспартийных» [8, л. 18]. Работа всех партийных конференций начиналась с избрания почётного президиума, а отчёты конференций открывались фразой, выборочно приводимой по протоколу VIII Юргинской районной партконференции (январь 1952 года): «В почётный президиум избраны члены политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным» [9, л. 1].

Ценности корпоративной политической культуры партийных комитетов навязывались всем трудящимся. Из письма секретаря Кемеровского обкома ВКП(б) Л. Грачёва – секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову от 23 ноября 1950 года: «На собраниях коллективов трудящихся области также были выставлены кандидатами в депутаты областного Совета депутатов трудящихся члены политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии боль-

шевиков и ближайшие соратники И. В. Сталина товарищи: Молотов В. М., Маленков Г. М., Ворошилов К. Е., Хрущёв Н. С., Булганин Н. А., Косыгин А. Н., Шверник Н. М., Андреев А. А., Микоян А. И., Каганович Л. М., Берия Л. П.» [10, л. 55].

Такая базовая ценность, как патриотизм, понималась исключительно как любовь к социалистической родине, коммунистической партии и её вождю. Воспитывать эти чувства у советских людей должны были партийные организации. В решении пленума Кемеровского обкома ВКП(б) (11–12 января 1950 года) записано: «Подчинить политическую работу задачам дальнейшего повышения коммунистической сознательности трудящихся города и села, ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, воспитанию каждого рабочего, колхозника и интеллигента в духе советского патриотизма, советской национальной гордости, в духе безграничной любви и преданности нашей Родине, большевистской партии, вождю и учителю товарищу Сталину» [11, л. 42].

На пленуме отмечалось, что «Благодаря возросшему трудовому и политическому подъёму шахтёры бассейна выполнили план добычи угля ко дню рождения товарища Сталина – 21 декабря 1949 года» [11, л. 32]. Пленум обкома партии принял также постановление «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение обязательств, взятых перед товарищем Сталиным, по получению в 1950–1951 годах в среднем по области урожая зерновых культур 150 пудов, картофеля и овощных культур 1200–1500 пудов с каждого гектара» [11, л. 1].

Труды И. В. Сталина рассматривались, как величайшая базовая ценность и важнейший артефакт политической культуры советского общества. Они должны были влиять на все сферы общественно-политической жизни и повсеместно изучаться. В постановлении одного из пленумов Гурьевского горкома партии в 1952 году отмечалось, что необходимо, «руководствуясь гениальными трудами товарища Сталина по вопросу языкознания, коренным образом улучшить преподавание русского языка, практикуя больше тренировочных, самостоятельных и творческих работ» [12, л. 1].

Партийное собрание Кемеровского учительского института 28 июня 1950 года рассмотрело вопрос «О работе т. Сталина “Относительно маркс-

сизма в языкознании”». Выступающий Е. Г. Юров «указал на то, что не все ещё коммунисты поняли значение статьи тов. Сталина. Считают, например, что статья не относится к физикам. Необходимо таких товарищей убедить в ошибочных их рассуждениях. Статья тов. Сталина помогает нам в практической работе по всем предметам» [24, л. 204]. В принятом решении отмечалось: «Партийное собрание считает необходимым: 1. Положить работу т. Сталина как методологическую основу в работе всех кафедр института» [13, л. 205].

Наряду с трудами И. В. Сталина, важным артефактом политической культуры, требующим постоянного изучения и применения в повседневной жизни, стали материалы XIX съезда партии. 26 февраля 1953 года пленум Кемеровского горкома партии принял по этому вопросу специальное постановление: «О состоянии и мерах по улучшению изучения материалов XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза и работы товарища Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” в городской партийной организации» [14, л. 12].

Изучение базовых ценностей политической культуры комитетов ВКП(б) – КПСС позволяет сделать вывод о том, что в партии, а через неё и во всём государстве утвердился идеократический, тоталитарно-подданический тип политической культуры, неотъемлемый от советской модели тоталитарной модернизации. Для «сталинского» типа политической культуры характерны монопольное право одной «партии-государства» на политическую деятельность; господство партийной идеологии как единственной истины; сложившаяся партийно-государственная вертикаль власти; политизация и идеологизация всех сфер жизни человека; силовая ликвидация не вписывающихся в систему субъектов и организаций.

Партийные комитеты ВКП(б) – КПСС являлись акторами сложившегося типа политической культуры. Политическая культура любой партийной группировки определяется в политической культурологии как система ценностей, символов и установок, направленных на политическое действие. В поведении коммунистов в рассматриваемое время преобладали, прежде всего, экстремальные формы политического действия при практическом отсутствии толерантности и культуры компромиссов.

Экстремизм, радикализм, конфронтационность следует признать главными чертами партийно-политической культуры того времени. Особенности политической культуры любой партии детерминированы её историческим опытом. Практически на протяжении всего периода своего существования партийные организации непрерывно находились в экстремальной ситуации, которая постепенно приобретала значение постоянного фактора политической жизни. И. Б. Орлов утверждает: «Революционистская ментальность была ориентирована на определенный тип социального поведения, направленного на немедленное и радикальное переустройство общественных основ с применением крайних методов» [44, с. 120].

Конфронтационность как непоколебимая уверенность в правоте своих действий и принципов стала основой деятельности коммунистов как внутри страны, так и на международной арене. Базовыми ценностными представлениями о мире стала его биполярность: с одной стороны, СССР и страны «народной демократии», с другой – империалисты США и других капиталистических стран.

Анализ отчётов секретарей партийных комитетов показывает, что все они отдавали дань жупелу «биполярности». Из отчётного доклада на XVI Кемеровской городской партконференции (февраль 1952 года): «Трудящиеся стран народной демократии, опираясь на богатейший опыт и братскую помощь Советского Союза, успешно решают задачи хозяйственного и культурного строительства по пути социализма. Иную картину представляет капиталистический мир. Империалисты Соединённых Штатов Америки, Англии и других капиталистических государств открыто готовятся к новой мировой войне. Ведётся бешеная гонка вооружений, пропаганда войны, неслыханное усиление эксплуатации трудящихся» [15, л. 13–14].

В отчётном докладе на Ленинск-Кузнецкой городской партконференции (январь 1952 года) прямо указывается на подрывную деятельность агентов империалистов внутри страны: «Империалисты США, Англии и других капиталистических государств открыто готовятся толкнуть человечество в пучину новой войны, они всеми средствами пытаются сорвать строительство со-

циализма в странах народной демократии, они ассигнуют десятки миллиардов долларов на организацию подрывной деятельности против СССР и стран народной демократии, используя для этого банды шпионов и убийц» [16, л. 116].

Шпиономания и поиск врагов стали неотъемлемой частью политической пропаганды и политического действия комитетов партии на местах. На заседании бюро Анжеро-Судженского горкома ВКП(б) 17 января 1950 года слушался вопрос «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийной организации в связи с выборами в Верховный Совет СССР». В принятом постановлении зафиксировано: «Партийные организации обязаны учитывать возможность активизации деятельности враждебных элементов, которые попытаются подорвать доверие избирателей к самим выборам, снизить участие в них избирателей, опорочить кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Парторганизации должны разоблачать и давать отпор вражеским попыткам помешать проведению выборов» [17, л. 45–46].

К усилению бдительности, разоблачению шпионов и внутренних врагов призывали в своих выступлениях на партконференциях, пленумах и бюро партийных комитетов руководители городских отделов Министерства государственной безопасности (МГБ). Характерно в этом отношении выступление на XIV Анжеро-Судженской городской партконференции в январе 1952 года начальника городского отдела МГБ Баранова. Он призывал коммунистов к усилению бдительности и приводил слова И. В. Сталина, объясняющие запоздалость раскрытия заговорщической деятельности верхушки троцкистов и бухаринцев: «Объясняется этот промах недооценкой силы и знания механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов, старающихся использовать слабость людей, их тщеславие, их бесхарактерность для того, чтобы запутать их в свои шпионские сети и окружить ими органы Советского государства».

Далее чекист объяснял: «Товарищи! Эту цитату из доклада тов. Сталина я привёл для того, чтобы напомнить некоторым товарищам о том, что в настоящее время капиталистические страны стараются забросить к нам массу шпионов и диверсантов... Об этом забыли некоторые руководящие работники нашей партийной организации.

Они перестали замечать, кто их окружает, а некоторые с целью или без цели стали окружать себя непроверенными и не внушающими политического доверия лицами». Оратор сообщил: «Нами арестованы ряд агентов англо-американских разведывательных органов, в том числе несколько человек на шахте 9/15» [18, л. 23–25; 5, с. 80].

Сложившийся в партии и обществе тоталитарный, конфронтационно-экстремистский тип политической культуры неизбежно вёл к перманентному поиску и ликвидации внесистемных элементов: субъектов и организаций. Если не вписывающиеся в эту систему субъекты находились достаточно легко (шпионы, бывшие кулаки и нэпманы, инакомыслящие, представители «пятой колонны»), то внесистемные структуры в условиях политического тоталитаризма и однопартийной системы необходимо было обнаружить.

К таковым были отнесены, прежде всего, религиозные организации. Борьбой с ними занимались органы государственной безопасности при полной поддержке партийных комитетов, отстаивающих свой идеологический диктат. О результатах этой борьбы докладывал на одном из пленумов Беловского горкома ВКП(б) в 1951 году начальник Беловского городского отдела МГБ Пестов: «Мы раскрыли в посёлке Бабанаково сектантскую группу, у которой была обнаружена религиозная книга. Обнаружена и вторая группа сектантов, которая крестит детей и даёт им второе имя. В посёлке Чергинском также была раскрыта группа сектантов, которая призвала трудящихся не голосовать за наши органы Советской власти» [19, л. 9].

В 1952 году Пестов, выступая на пленуме Беловского горкома партии, говорил: «Действие церкви одурманивает отдельные массы населения – отмечают религиозные обряды и праздники: рождество, пасху и т. д. В праздник пасху в церкви было около трёх тысяч человек, из них 25–30 % молодёжи. Увеличилось в этом году число крещений, свадебных обрядов, только в январе и феврале венчалось в церкви 15 пар и в каждое воскресенье крестится по 25 человек... Попадают под влияние церкви и некоторые коммунисты...» [20, л. 12].

Даже обычное общение со священнослужителями могло закончиться для коммуниста наказанием. Персональное дело заведующего отделом агитации и пропаганды Беловского горкома пар-

тии Г. Б. Коростелёва в 1952 году было рассмотрено бюро горкома. Ему был объявлен выговор за то, что, будучи в командировке в Кемерове, «явился в гостиницу и в ночное время повёл ничёмный разговор с проживающими там попами» [21, л. 290].

Корпоративная культура партийных комитетов не допускала компромиссов в отношении членов партии, толерантно относящихся к религии и исполнению церковных обрядов. Прокопьевский горком ВКП(б) в январе 1950 года исключил из партии В. А. Моторина за то, что «не по партийному относится к воспитанию своей семьи, вследствие чего допустил, что его жена в ноябре 1946 года окрестила своего ребёнка». Тогда же в Прокопьевске из партии исключили М. А. Гукова за то, что он «ходил в церковь, где в качестве кума участвовал в крещении ребёнка гражданки Скорняковой» [22, л. 142–143].

24 мая 1949 года Кемеровский обком ВКП(б) принял постановление «О фактах крещения детей в семьях коммунистов парторганизации города Гурьевска». 17 января 1950 года на заседании бюро обкома был поставлен вопрос «О фактах исполнения религиозных обрядов некоторыми коммунистами в Прокопьевской городской парторганизации» [23, л. 127; 5, с. 112–113].

По данным прошедших в 1951–1952 годах городских партийных конференций, менее чем за год были исключены из партии «за соблюдение религиозных обрядов» в Анжеро-Судженске – 4 человека, Тайге – 1 человек, Белове – 8 человек, Ленинске-Кузнецком – 2 человека [6, л. 55; 8, л. 9; 24, л. 83; 16, л. 122]. По данным Кемеровского обкома ВКП(б), только за III квартал 1950 года в области «за соблюдение религиозных обрядов» из партии исключили 58 человек [24, л. 2].

Антирелигиозная доминанта общепартийной политической культуры оказывала влияние на культуру индивидуального политического действия коммунистов. Согласно протоколу партсобрания Кемеровского учительского института от 27 февраля 1950 года, один из выступающих «находит необходимость развернуть антирелигиозную агитацию через школы среди родителей». Преподаватель института «говорит о необходимости проведения систематической антирелигиозной пропаганды, увязывая антирелигиозный материал с материалом каждой лекции» [13, л. 179–180].

Воинствующий атеизм и всеобщая борьба против религиозности нашли наиболее жёсткое проявление в г. Сталинске (ныне Новокузнецк), тем более, что здесь образовалась иноконфессиональная внесистемная организация, борьба с которой со стороны ВКП (б) и МГБ вылилась в «дело КМК» (1949–1952) – наиболее яркое проявление кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири. В причастности к деятельности «нелегальной еврейской синагоги» был обвинен ряд ответственных работников Кузнецкого металлургического комбината им. И. В. Сталина.

Космополитизм явился проявлением сложившейся в партии и обществе политической культуры, он наиболее остро отражал её радикальные, экстремистско-конфронтационные черты. Центральной партийной прессой космополитизм в политике и культуре характеризовался как идеологическое оружие американской реакции, проявление стремления американских империалистов к мировому господству, подрыв национальных корней и национальной культуры, пресмыкательство «безродных космополитов» в нашей стране перед «иностраниной».

После сближения с США созданного при поддержке СССР в 1948 году Государства Израиль космополитизм приобрел формы антисемитизма. В последующие годы антисемитизм стал неотъемлемой чертой советской политической культуры, в том числе культуры политического действия организаций ВКП(б) – КПСС на местах. Именно партийные организации инициировали разбирательство «дела» еврейской синагоги, образовавшейся ещё во время войны. Синагога, хотя и называется в партийных документах «нелегальной», действовала весьма легально и не вызывала подозрений у органов государственной безопасности. Исполняющий обязанности начальника Сталинского городского отдела МГБ Б. М. Морковкин в справке от 18 июля 1950 года, направленной в обком партии, писал: «Городской отдел МГБ, рассматривая религиозное течение как пропаганду враждебной идеологии, за синагогой с 1942 по 1948 год организовал наблюдение, однако, каких-либо контрреволюционных выступлений не установлено» [24, л. 56; 5, с. 48, 49].

Включившиеся в борьбу против синагоги партийные комитеты первоначально также не видели политической подоплёки в её существо-

вании. В III квартале 1950 года из партии были исключены 7 человек «за скрытие и участие в работе синагоги» [24, л. 3]. Причём, как указывалось в отчёте Кемеровского обкома партии, «Сталинский горком ВКП(б), рассматривая персональные дела коммунистов по этим проступкам, подошёл к решению их либерально, значительную часть коммунистов оставил в партии с партийными взысканиями, отменив постановления Орджоникидзевского райкома ВКП(б). Только после указаний из обкома ВКП(б) Сталинский горком ВКП(б) снова пересмотрел свои постановления в отношении их» [24, л. 4].

Партийные комитеты и отдельные партийные функционеры, следуя общепартийной линии, явно старались придать факту существования синагоги политический, антисоветский характер. Бюро обкома ВКП(б) 19 сентября 1950 года рассмотрело вопрос «О недостатках и ошибках в подборе и расстановке руководящих кадров на Кузнецком металлургическом комбинате». В постановлении отмечалось, что «некоторые ответственные работники коммунисты комбината были связаны с нелегальной еврейской синагогой, оказывали ей денежную помощь, чем содействовали её националистической деятельности (Аршавский – начальник финансового отдела, Надот – начальник отдела снабжения, Уральский-Троцкий – начальник отдела оборудования, Юдкин – начальник углеснабжения и другие)» [24, л. 3–4]. Директору КМК Р. В. Белану «за притупление политической бдительности» объявлялся строгий выговор, а заместитель директора комбината Я. Г. Минц был снят с работы [5, с. 64–65].

Политизации «дела КМК» способствовало нарастание экстремизма в культуре индивидуального политического действия некоторых партийных работников. Резкое недовольство нерешительностью действий партийных комитетов и органов госбезопасности выразил в письме «В Комиссию Партийного Контроля при ЦК ВКП(б). Товарищу Шкирятову М. Ф.» секретарь партколлегии при Кемеровском обкоме ВКП(б) С. В. Носов. В этом письме названы фамилии коммунистов и руководителей КМК, участвовавших в сборе денег «для оказания помощи евреям, которые были осуждены по советским законам и исключены из партии», а также использовавших служебное положение, чтобы «под различными предложениями выдвинуть и повесить по работе ев-

реев, снимая и понижая в должности русских». Автор письма акцентировал внимание на возможных связях организации с Америкой, с которой «ведётся переписка» и «получаются посылки».

Заостряя проблему, С. В. Носов прямо указал в письме на антисоветскую направленность деятельности синагоги и настаивал на применении к ней репрессивных действий: «несмотря на то, что установлена антисоветская деятельность националистической организации, привлекаются к партийной ответственности отдельные коммунисты, всё же вся эта вражеская организация до конца не раскрыта, и разоблачение её ведётся исключительно медленно. Сообщая об этом, прошу, товарищ Шкирятов, Ваших указаний» [24, л. 7–8; 5, с. 63–64].

Восемь человек, обвинённых в контрреволюционных преступлениях, были осуждены. Четыре человека приговорили к высшей мере наказания (расстрелу), четыре человека получили приговор, связанный с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере [5, с. 86–87]. Жесточайший приговор по сфабрикованному делу стал возможен во многом благодаря инициативе комитетов ВКП(б) – КПСС и отдельных радикально настроенных на поиск «врагов» партийцев. Экстремизм, бескомпромиссность, доноительство, антисемитизм, политическая нечистоплотность, подданнический характер – все эти негативные черты партийной культуры нашли наиболее полное отражение в этом неблагоприятном «деле».

По сценарию «дела КМК» стали развиваться события и вокруг «нелегально действующей еврейской синагоги» в Кемерове. 24 марта 1951 года на пленуме Кемеровского обкома ВКП(б) выступил начальник областного управления МГБ Н. Ф. Илясов. Охарактеризовав положение дел на КМК, он продолжил: «В силу этих же причин на Кемеровском электромеханическом заводе в настоящее время собралась “тёплая” компания своих людей, а директор завода Интриллигатор окружил себя политически сомнительными, так называемыми незаменимыми специалистами...» [25, л. 156]. В мае С. В. Носов сообщил о «нелегальной синагоге» М. Ф. Шкирятову [4, л. 208]. Однако данное «дело» не закончилось столь кровавым образом. П. М. Интриллигатор был переведён в другой город на более низкую должность [5, с. 97–98, 101].

Иницилируемое комитетами ВКП(б) «дело» еврейской общины в Прокопьевске обошлось без громких разоблачений и преследований. Это не было связано со смягчением культуры политического действия партийных комитетов в отношении «космополитов», сказывалась пресыщенность машины государственного террора «делом КМК» [5, с. 105–115].

Завершающим актом кампании по борьбе с космополитизмом в СССР является «дело врачей» (1953), нашедшее яркое проявление в Кемеровской области, прежде всего, вокруг событий, связанных со Сталинским государственным институтом для усовершенствования врачей (ГИДУВ, г. Сталинск). Здесь отразились многие черты политической культуры комитетов партии позднесталинского периода.

В Кемеровской области «дело» стартовало с перепечатки в газете «Кузбасс» от 14 января 1953 года передовой статьи газеты «Правда» под заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» [39]. Под руководством организаций КПСС началась массовая идеолого-пропагандистская кампания, связанная с поиском «врагов народа» и «сионистской агентуры американской разведки».

3 февраля 1953 года на заседании секретариата Кемеровского обкома КПСС рассматривался вопрос «О неудовлетворительной работе Сталинского института усовершенствования врачей». Согласно решению обкома началась комплексная проверка института, результатом которой стала представленная в обком «Справка о работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей» [26, л. 1]. В справке особо отмечалось, что «из 13 профессоров, заведующих кафедрами, 10 человек еврейской национальности...». Указывалось, что многие из них не внушают политического доверия. Так, профессор И. И. Карцовник «грубо вульгаризирует и опошляет марксистско-ленинскую материалистическую теорию, извращает павловское физиологическое учение». Профессор Б. И. Фукс «происходит из купеческой семьи». Профессор Л. Г. Школьников «стремится протащить на работу в институт лиц еврейской национальности». Муж профессора О. И. Шершевской «арестован органами МГБ» [5, с. 131–134].

Кемеровский обком КПСС осудил имевший место в ГИДУВе «буржуазный национализм».

Областным управлением МГБ были арестованы сотрудники института А. Р. Розенберг, И. И. Карцовник, М. В. Могилёв, которые, якобы, являлись «участниками еврейско-буржуазной националистической группы» и вершили контрреволюционную деятельность [4, с. 193]. Смерть И. В. Сталина в марте 1953 года и последовавшая в апреле 1953 года реабилитация «врачей-вредителей» поставили точку в деле ГИДУВа. В политической культуре советской системы наступили изменения, способствующие смягчению её наиболее радикальных, репрессивных черт.

Кампания по борьбе с космополитизмом в Кемеровской области не привела к массовому исключению или неизбранию евреев в партийные комитеты, изоляции их от партийной жизни. В составе делегатов XIV **Анжеро-Судженской** городской партконференции присутствовали 2 еврея с решающим и 1 – с совещательным голосом [6, л. 98]. Делегатами XII Киселёвской городской партконференции также были 3 еврея [27, л. 75], а на XIII конференции присутствовали уже 6 евреев [7, л. 53]. Делегатами XIII **Беловской** городской партийной конференции являлись 7 человек еврейской национальности, из которых двое (Л. Б. Малинкович, директор цинкового завода, и И. А. Ройзенблит, директор завода «Кинап») были избраны членами пленума Беловского горкома партии [28, л. 170, 174]. Из 6 евреев, делегатов проходящей в январе 1952 года Ленинск-Кузнецкой городской партконференции, двое (И. С. Лившиц и И. Л. Курочкин) были избраны в члены горкома партии [16, л. 81, 186]. В работе VIII Гурьевской городской партконференции участвовали 7 делегатов – евреев [29, л. 120]. В Кемерове среди делегатов XVII городской партконференции евреев было 7 [30, л. 138]. На VIII Юргинской районной партконференции евреев было 18, или 1 % от всех участвовавших [9, л. 35]. Отсутствовали делегаты еврейской национальности только на XVI **районной партконференции** в Топках [31, л. 80].

В разгар кампании Кемеровский обком партии, рассмотрев характеристику артистки Кемеровского областного драматического театра им. А. В. Луначарского Риты Исааковны Риттер, принял решение, что она достойна присвоения звания заслуженной артистки РСФСР [10, л. 78]. Данный факт также подтверждает отсутствие тотального засилия антисемитизма в партийной

культуре комитетов, хотя в борьбе с «космополитами» театрам уделялось особое внимание.

31 марта 1951 года состоялось закрытое партийное собрание первичной партийной организации областного драматического театра, обсудившее статью в газете «Кузбасс» «О серьёзных недостатках в работе драматического театра» [40]. Партсобрание признало правильной критику в адрес руководства театра, в частности, в невыполнении постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров». Особенно досталось евреям. Резкой критике подвергся главный режиссёр театра Л. М. Меерсон за то, что допустил включение в репертуар «порочной», искажающей советскую действительность пьесы еврейских авторов Зискинда и Шатуновского «Среди бела дня» [32, л. 13–21]. Л. М. Меерсон был освобождён от должности, и его преемник Амантов сосредоточился на постановке идеологически проверенных пьес советской классики, в частности, спектакля Вс. Иванова «Бронепоезд 14–69» [33, л. 104].

В целом партийная организация драмтеатра старалась идти в форватере общепартийной линии. В решении одного из партсобраний записано: «В условиях, когда наш народ успешно выполняет грандиозный план Сталинских пятилеток, когда весь мир разделился в вопросах идеологии на два лагеря, наш советский театр выполняет огромную задачу проводника Ленинско-Сталинских идей в массу. Отсюда ясно, с какой бдительностью театры должны относиться к тексту Советских пьес, отражающих нашу действительность и борьбу за торжество идей Ленина – Сталина» [33, л. 4; 5, с. 24].

Однако вышестоящие комитеты партии с недоверием относились к театральным коллективам. Они требовали согласования любых изменений в текстах пьес. В решении того же партсобрании драмтеатра читаем: «В постановке спектакля “Счастье” пользовались сокращённым вариантом, в дальнейшем перешли на вариант расширенный, сократив сценку с Васютиным, согласовав это сокращение с отделом агитации и пропаганды Горкома ВКП(б)».

Комитеты партии насаждали в театрах теорию биполярности и враждебности социалистической и буржуазных культур. В драмтеатре читалась лекция «О реакционной сущности искусства в США» [33, л. 4; 5, с. 24–25]. Секретарь парткома Кемеровского театра музыкальной ко-

медии на одном из партсобраний в 1952 году говорил: «Наше советское искусство стало лучшим искусством в мире. Во всех странах наши певцы, музыканты, шахматисты занимают первые места. Нам известно, как велика и ответственна роль советского театра в воспитании лучших качеств советского человека» [34, л. 4].

Далее в своём отчётном докладе секретарь парткома Г. А. Лиров сетовал на «засорённость» в недавнем времени репертуара театра «венскими безыдейными спектаклями», под которыми имелись в виду классические мировые оперетты: «Голубая мазурка», «Принцесса цирка», «Весёлая вдова», «Сильва», «Марица», «Роз-Мари», написанные преимущественно еврейскими композиторами. Но даже в классике жанра партийные комитеты увидели «космополитизм» и «западное влияние». После указания бюро обкома ВКП(б), по словам Г. А. Лирова, «наш театр совершенно отказался от венского репертуара и взял правильную линию на советский классический спектакль». На одном из партсобраний театра музыкальной комедии было заявлено о полном уничтожении «венщины» [34, л. 31; 5, с. 25].

Непримиримая борьба с «космополитизмом» посеяла недоверие, подозрительность, страх, доносительство внутри партийных организаций. В «антисоветизме», «политической неустойчивости», «потере политической бдительности» мог быть обвинён любой член партии. При приёме в партию задавались вопросы: «Какова национальность? Где работает отец? Какое хозяйство было у отца? Проживают ли за границей родственники? Арестовывались ли родственники по политическим статьям?». Всё это предопределяло неустойчивость корпоративной культуры не только комитетов ВКП(б) – КПСС, но и низовых партийных организаций.

Период «позднего сталинизма» стал переломным в развитии партийно-политической культуры комитетов ВКП(б) – КПСС. Обострившиеся до крайности её радикально-экстремистские черты требовали смягчения и придания культуре взаимоотношений внутри страны и на международной арене форм толерантности, взаимодоверия и компромисса. Эти задачи решались в последующем периоде советской истории, получившем название «оттепели».

Литература

1. Almond G., Werba S. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, 1963. – 313 с.
2. Белгороков А., Пивоваров Р. Партийная культура в метафизическом измерении [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/be7/html> (дата обращения: 09.10.2018).
3. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (анализ современной отечественной историографии проблемы) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2015. – № 1 (61), т. 3. – С. 139–146.
4. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953). – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2009. – 255 с.
5. Генина Е. С., Макачук С. В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953): монография. – Кемерово: КРИПО, 2018. – 176 с.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. П-1. – Оп. 6. – Д. 13.
7. ГАКО. – Ф. П-81. – Оп. 10. – Д. 2.
8. ГАКО. – Ф. П-33. – Оп. 1. – Д. 2.
9. ГАКО. – Ф. П-123. – Оп. 10. – Д. 2.
10. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 391.
11. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 393.
12. ГАКО. – Ф. П-119. – Оп. 10. – Д. 9.
13. ГАКО. – Ф. П-1436. – Оп. 1. – Д. 46.
14. ГАКО. – Ф. П-15. – Оп. 10. – Д. 74.
15. ГАКО. – Ф. П-15. – Оп. 10. – Д. 36.
16. ГАКО. – Ф. П-127. – Оп. 16. – Д. 1.
17. ГАКО. – Ф. П-1. – Оп. 5. – Д. 145.
18. ГАКО. – Ф. П-1. – Оп. 6. – Д. 13.
19. ГАКО. – Ф. П-88. – Оп. 12. – Д. 9.
20. ГАКО. – Ф. П-88. – Оп. 14. – Д. 15.
21. ГАКО. – Ф. П-88. – Оп. 14. – Д. 1.

22. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 426.
23. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 399.
24. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 390.
25. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 7. – Д. 14.
26. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 7. – Д. 252.
27. ГАКО. – Ф. П-81. – Оп. 10. – Д. 1.
28. ГАКО. – Ф. П-88. – Оп. 10. – Д. 1.
29. ГАКО. – Ф. П-119. – Оп. 10. – Д. 3.
30. ГАКО. – Ф. П-15. – Оп. 10. – Д. 39.
31. ГАКО. – Ф. П-35. – Оп. 12. – Д. 8.
32. ГАКО. – Ф. П-926. – Оп. 1. – Д. 21.
33. ГАКО. – Ф. П-926. – Оп. 1. – Д. 4.
34. ГАКО. – Ф. П-444. – Оп. 1. – Д. 8.
35. Зимин В. А., Морозова Г. А. Партии – субъекты и носители политической культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 1 (23). – С. 111–117.
36. Капитонов Э. А., Зинченко Г. П. Корпоративная культура: теория и практика. – М.: Альфа-Пресс, 2005. – 352 с.
37. Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Док. исслед. – М.: Межд. отношения, 1994. – 400 с.
38. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 415 с.
39. Кузбасс. – 1953. – 14 янв.
40. Кузбасс. – 1951. – 22 марта.
41. Макарчук С. В. Социалисты на востоке России: политическая культура компромисса накануне и в начале Гражданской войны // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 134–139.
42. Макарчук С. В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской власти на востоке России (1919–1922) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 112–118.
43. Окатов А. В., Соловьёв Д. А. Понятие и виды корпоративной культуры // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер.: общ. науки. – 2017. – Т. 3, вып. 3 (11). – С. 35–47.
44. Орлов И. Б. Политическая культура России XX века: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 223 с.
45. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: РОССПЭН, 2012. – 440 с.
46. Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. – М.: Книга, 1988. – 271 с.
47. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М.: Ин-т истории РАН, 1999. – 261 с.
48. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002. – 336 с.

References

1. Almond G., Werba S. *The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963. 313 p. (In Engl.).
2. Belgorokov A., Pivovarov R. *Partijnaya kul'tura v metafizicheskom izmerenii [Party culture in the metaphysical dimension]*. (In Russ.). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/be7/html> (accessed 09.10.2018).
3. Genina Ye.S. Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (analiz sovremennoy otechestvennoy istoriografii problemy) [Campaign against cosmopolitanism in Siberia (analysis of modern Russian historiography of the problem)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2015, no. 1 (61), vol. 3, pp. 139-146. (In Russ.).
4. Genina Ye.S. *Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949-1953) [Campaign against cosmopolitanism in Siberia (1949-1953)]*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2009. 255 p. (In Russ.).
5. Genina Ye.S., Makarchuk S.V. *Bor'ba s kosmopolitizmom: politicheskie dela i razoblacheniya v Kemerovskoy oblasti (1949-1953): monografiya*. Kemerovo, KRIRPO Publ., 2018. 176 p.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region]*, F. P-1, Op. 6, D. 13. (In Russ.).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region]*, F. P-81, Op. 10, D. 2. (In Russ.).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region]*, F. P-33, Op. 1, D. 2. (In Russ.).

9. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-123, Op. 10, D. 2. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 2, D. 391. (In Russ.).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 2, D. 393. (In Russ.).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-119, Op. 10, D. 9. (In Russ.).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-1436, Op. 1, D. 46. (In Russ.).
14. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-15, Op. 10, D. 74. (In Russ.).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-15, Op. 10, D. 36. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-127, Op. 16, D. 1. (In Russ.).
17. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-1, Op. 5, D. 145. (In Russ.).
18. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-1, Op. 6, D. 13. (In Russ.).
19. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-88, Op. 12, D. 9. (In Russ.).
20. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-88, Op. 14, D. 15. (In Russ.).
21. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-88, Op. 14, D. 1. (In Russ.).
22. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 2, D. 426. (In Russ.).
23. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 2, D. 399. (In Russ.).
24. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 2, D. 390. (In Russ.).
25. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 7, D. 14. (In Russ.).
26. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-75, Op. 7, D. 252. (In Russ.).
27. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-81, Op. 10, D. 1. (In Russ.).
28. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-88, Op. 10, D. 1. (In Russ.).
29. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-119, Op. 10, D. 3. (In Russ.).
30. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-15, Op. 10, D. 39. (In Russ.).
31. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-35, Op. 12, D. 8. (In Russ.).
32. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-926, Op. 1, D. 21. (In Russ.).
33. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-926, Op. 1, D. 4. (In Russ.).
34. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti [The State Archive of the Kemerovo Region], F. P-444, Op. 1, D. 8. (In Russ.).
35. Zimin V.A., Morozova G.A. Partii – sub’ekty i nositeli politicheskoy kul’tury [Parties – subjects and carriers of political culture]. *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatel’naya mysl’* [Historical and socio-educational thought], 2014, no. 1 (23), pp. 111-117. (In Russ.).

36. Kapitonov E.A., Zinchenko G.P. *Korporativnaya kul'tura: teoriya i praktika [Corporate culture: theory and practice]*. Moscow, Alfa Press, 2005. 352 p. (In Russ.).
37. Kostyrchenko G.V. *V plenu u krasnogo faraona. Politicheskie presledovaniya evreev v SSSR v poslednee stalinskoe desyatiletie. Dokumental'noe issledovanie [Captured by a red pharaoh. Political persecution of Jews in the USSR in the last Stalin decade. Documentary study]*. Moscow, Inter. Relationship Publ., 1994. 400 p. (In Russ.).
38. Kostyrchenko G.V. *Stalin protiv "kosmopolitov". Vlast' i evreyskaya intelligentsiya v SSSR [Stalin against the "cosmopolitans". Power and Jewish intelligentsia in the USSR]*. Moscow, ROSSPEN Publ.; Foundation of the First President of Russia B.N. Eltsin Publ., 2009. 415 p. (In Russ.).
39. *Kuzbass [Kuzbass]*, 1953, January 14. (In Russ.).
40. *Kuzbass [Kuzbass]*, 1951, March 22. (In Russ.).
41. Makarchuk S.V. *Sotsialisty na vostoке Rossii: politicheskaya kul'tura kompromissa nakanune i v nachale Grazhdanskoj vojny [Socialists in the east of Russia: political culture of compromise on the eve and at the beginning of the Civil War]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 23, pp. 134-139. (In Russ.).
42. Makarchuk S.V. *Ekstremizm v politicheskoy kul'ture bol'shevizma: ustanovlenie sovetsoj vlasti na vostoке Rossii (1919-1922) [Extremism in the political culture of Bolshevism: the establishment of Soviet power in the east of Russia (1919-1922)]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 31, pp. 112-118. (In Russ.).
43. Okatov A.V., Solovyev D.A. *Ponyatie i vidy korporativnoj kul'tury [The concept and types of corporate culture]*. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: obshchestvennye nauki [Bulletin of Tambov State University. Series: total science]*, 2017, vol. 3 (11), pp. 35-47. (In Russ.).
44. Orlov I.B. *Politicheskaya kul'tura Rossii XX veka: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Political culture of Russia of the twentieth century: studies. manual for university students]*. Moscow, Aspect Press, 2008. 223 p. (In Russ.).
45. Papkov S.A. *Obyknoennyj terror. Politika stalinizma v Sibiri [Ordinary Terror. The policy of Stalinism in Siberia]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 440 p. (In Russ.).
46. Rapoport Ya.L. *Na rubezhe dvukh epokh. Delo vrachej 1953 goda [At the turn of two epochs. Case doctors 1953]*. Moscow, Book, 1988. 271 p. (In Russ.).
47. Fateev A.V. *Obraz vraga v sovetsoj propagande. 1945-1954 [The Image of the Enemy in Soviet Propaganda. 1945-1954]*. Moscow, Institut history of RAS Publ., 1999. 261 p. (In Russ.).
48. Sheyn E.Kh. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo [Organizational culture and leadership]*. St. Petersburg, Peter Publ., 2002. 336 p. (In Russ.).

УДК 008

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ¹

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено потребностью в выяснении содержания метода поколений, пока мало изученного, но перспективного в плане познания природы ритмов и циклов истории, механизмов преемственности и конкретизации исторического опыта людей, живших в тот или иной период. В основу исследования положена история поколения Победителей (родившихся в 1900–1923 годах), которым пришлось восстанавливать разрушенную в ходе Гражданской войны экономику России, провести коллективизацию в советской деревне, в годы первых пятилеток создавать индустриальную промышленность, участвовать в массовых репрессиях и быть их жертвой в 1930-х годах, воевать на фрон-

¹ Статья написана в рамках реализации научного проекта «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX века» (AAAA-A17-117041410054-8).